

Русские лауреаты-вокалисты также держались на сцене Большого зала Филармонии совсем не так, как у себя «дома». Похоже, на их пении сказались не только приятное волнение, свойственное каждому исполнителю, но и страх перед сценой. Камерная и даже почти домашняя атмосфера зала в рахманиновской школе, в которой проходили туры, существенно отличается от огромного, прекрасного своим величием зала Дворянского собрания. Лауреаты конкурса студентка Евгения Сотникова и аспирантка Светлана Чуклинова (Санкт-Петербургская консерватория), обладательницы красивых голосов, выглядели несколько смущенными.

Будем надеяться, что сам выход на прославленную филармоническую сцену придаст молодым исполнителям силы на будущее не в меньшей степени, чем их лауреатство в представительном международном состязании.

«Сотворение мира» продолжается...

С 10 по 28 октября в Москве и Петербурге проходил Фестиваль музыки А.П. Петрова. Слушатели с удовольствием прослушали программы из произведений любимого автора, почетного гражданина Санкт-Петербурга, народного артиста СССР, лауреата государственных премий, отметившего свое 75-летие. В Большом и Малом залах Филармонии прошли симфонические и камерные концерты, в театре Музыкальной комедии состоялся концерт песни и премьера мюзикла. В Малом театре оперы и балета московская труппа показала один из первых балетов А.П. Петрова «Сотворение мира», принесший автору мировую известность.

Рецензией на этот спектакль дебютирует в нашем вестнике студентка-хореограф I курса **Юлиана РЯЗАНЦЕВА**.

Кюбилею композитора А. Петрова Государственный академический театр классического балета под руководством Н. Касаткиной и В. Василёва показал в Санкт-Петербурге восстановленный, и, наверное, лучший балет композитора — «Сотворение мира».

Премьера 1971 года должна была пройти в Большом театре, но там ставить этот балет запретили, и постановку осуществили в Кировском, ныне Мариинском театре.

Балет, в основу которого были положены рисунки известного французского графика Жана Эффеля, имел огромный успех. Графические импровизации Эффеля на библейские темы были достаточно известны в России. Герои Книги Бытия в шуточной интерпретации Эффеля оказались интересным, но в то же время весьма сложным материалом для пластического воплощения на сцене. Необычный замысел поставил нестандартные драматические и оформительские задачи. В решении этого замысла соединилось все: декорации, костюмы, хореография, актёрская игра, мастерство артистов, — и, конечно, музыка.

Андрей Петров, Наталия Касаткина и Владимир Василёв тогда, в 1971 году, вложили в спектакль философскую мысль, сохранившую свою значимость до сегодняшнего дня.

Библейская история о создании земли и человечества хорошо известна, и в балете она почти не претерпела изменений. Просторы мироздания, пустая необитаемая земля... В космических сферах появляется Бог — творец Вселенной. Сопровождаемый

ангелами, он летает в пока еще пустом пространстве. Но в светлую идиллию врывается «дух сомнения» — Черт. И сталкивается с Богом. *Сталкивается* буквально, физически. От разлетевшихся искр появляется Солнце — но Черт оставляет на нем пятна. Бог, установив время Дня и Ночи, принимается за устройство земного Рая, появляются трава и цветы — а Черт с Чертовкой в это время сажают яблоню. Ту самую, которая, как известно, сыграет важную роль в судьбе человечества...

*Сцены из балета
«Сотворение мира»*

Сотворив рай, Бог решает создать по своему образу и подобию человека. Появляется Адам, а затем и Ева. В балете изобретательно и театрально эффектно поставлены сцены их сотворения. Бог «лепит», творит из подручного «материала»... Именно вокруг первых людей разворачивается дальнейшее действие в лирико-комедийных тонах. Рисунки Эффеля словно оживают в танце. Каждый персонаж наделен индивидуальными интонациями, у каждого свой танцевальный язык. Хореографию в партиях Адама и Евы нельзя назвать технически трудной. Она основана в основном на пластической выразительности и комично выражает всю непосредственность этих «детей человеческих». В танцевальных кульминациях обыгрывается их трогательная детская неповоротливость: чтобы показать в хореографии «первые шаги» Адама или Евы, нужно не только танцевальное мастерство... Забегая вперед, заметим: последнего, к сожалению, недостаточно в новой постановке. В труппе нет таких танцовщиков, которые смогли бы повторить виртуозность Барышникова, Соловьева или Панова, обаяние и хрупкость Колпаковой — исполнителей премьерного спектакля в 1971 году. Впрочем, довольно запоминающийся образ Бога создал Николай Чевычелов. Благодаря удивительным хореографическим данным исполнителя, его герой заметно выделяется в спектакле. Вся хореография партии Бога основана на стремлении ввысь. Он как бы парит над своим творением, над *своей* землей.

«Улыбка в музыке подтверждается пародийной пластикой...»¹. Улыбка в музыке балета «Сотворение мира» появилась, конечно, благодаря композитору А. Петрову. В ней рядом оттенки грустного и смешного; лирика, чистые детские голоса — и драматизм. Очень важен джазовый колорит. Сближение «серьезной» и «легкой» музыки оправдано исходной стилистикой: рисункам Эффеля присущи юмор и философичность, лирика и гротеск. Балетмейстеры слышали музыку тонко и точно, любовно относились к каждой интонации, каждому нюансу. «Получив готовую музыку, они не “применяют” ее к своему замыслу, а стараются направить хореографическое решение в русло, “подсказанное” музыкой. Вообще Н. Касаткина и В. Василев с большим уважением относятся к результатам композиторской работы и постоянно отталкиваются в постановочных концепциях от особенностей тех музыкальных форм, которые попадают в их руки. Всякий неожиданный поворот в развитии музыки, любопытная деталь или необычный прием будоражат их фантазию, вызывают к жизни яркие хореографические штрихи, всегда поражающие точ-

¹ Шумилова Э. Правда балета. М., 1976.

ным «совпадением» с музыкой. <...> Мне посчастливилось сотрудничать с известными балетмейстерами, подчас очень непохожими друг на друга. Общение с ними оставило яркий след в моей памяти и во многом определило направленность художественных поисков, причем не только в области балетного творчества» (Петров А. Время. Музыка. Музыканты. Л., 1987. С. 93–94).

Образность музыки Петрова диктует хореографические решения. В музыкальных характеристиках Бога, ангелов, юного Адама словно оживает искусство барокко, французских мастеров XVII – XVIII столетий — в современных авангардных «одеждах». Музыкальная драматургия четко отделяет героев божественного и дьявольского мира друг от друга. Черт обрисован в духе веселой буффонады. При появлении Чертовки усиливаются джазовые интонации, звучание ударных инструментов и саксофона. Вариации Адама частично стилизованы в манере Классической симфонии Прокофьева. В замечательном Адажио Адама и Евы — здесь вершина лирической линии балета — звучит дуэт альтовой флейты с виолончелью и струнная группа. Широко распетая лирическая мелодия с чистыми, немного тревожными интонациями олицетворяет юные мечты, любовь счастливую — и отчасти грустную...

Финал балета решен как торжество человека, победившего все препятствия на пути к счастью. В конце спектакля нет привычной точки. Он заканчивается движением — движением жизни, человечества навстречу будущему.

Так незамысловатая, на первый взгляд, шутка постепенно превращается в серьезную философскую притчу. «Сотворение мира» воспринимается легко, оставаясь в то же время произведением масштабным по замыслу. Библейская легенда, издавна привлекавшая художников разных народов и времен, нашла свое отражение в балетном жанре. И вот спустя 34 года «Сотворение мира» переживает второе рождение. Конечно, грустно, что нет Адама — Барышникова, Бога — Соловьева, Евы — Колпаковой. Но жизнь талантливого музыкально-хореографического творчества продолжается. «Рекордсмен хореографического искусства XX века», поставленный более чем в шестидесяти театрах мира, балет «Сотворение мира» занесен в книгу рекордов Гиннеса. На протяжении вот уже четверти века спектакль вызывает на лицах зрителей добрую, искреннюю улыбку.

А.З. Харьковский

Господин Десятников

Возможно, самым неожиданным событием осени стал фестиваль Леонида Десятникова. Неожиданность его — не в факте проведения (хотя где аналогии — на пятидесятилетие-то? да в двух городах!), не в отдельно взятых сочинениях (хотя знакомая музыка по-прежнему свежа), а в общей нон-официозности и молодом задоре (несмотря на присутствие Большого театра, а в чем-то даже и благодаря ему). Оказывается, такое еще бывает.